

ДЕТЕКТИВ-
РУЛЕТКА

ОЛЬГА
БАСКОВА

ТРИЖДЫ ОДИНОКИЙ
МУЖЧИНА

Ольга Баскова

Трижды одинокий мужчина

«ЭКСМО»

2010

Баскова О.

Трижды одинокий мужчина / О. Баскова — «Эксмо», 2010

К изданию готовятся мемуары известного академика Хомутова. Главный редактор отправляет к нему лучшую журналистку Екатерину Зорину. Хомутов – пожилой, но весьма интересный мужчина – показывает Кате фотографии своих близких: лучшего друга, жены, аспирантов, единственной дочери. Все они ушли из жизни. Зориной такая закономерность кажется более чем странной. Ей удастся встретиться со следователем, который сорок лет назад вел дело об исчезновении аспирантов. Как и журналистка, старый опер считает историю темной и абсолютно точно криминальной...

© Баскова О., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	30
Глава 10	31
Глава 11	32
Глава 12	33
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Баскова

Трижды одинокий мужчина

Глава 1

Катя вбежала в кабинет, на ходу снимая перчатки и дую на озябшие пальцы: в город наконец-то пришла зима с гололедицей, морозами и обильными снегопадами. Выглянув в окно и озабоченно посмотрев на машину, сиротливо стоящую на стоянке возле редакции, девушка сообщила своему отражению в большом зеркале, висевшем на стене: «Завтра поеду на метро. Во-первых, экономнее, во-вторых, не надо потеть в пробках. Да и «Жулечка» проведет пару деньков в тепле, в гараже, а не на морозе». Скинув дубленку, журналистка, поправив прическу, села за стол. В этот момент зазвонил телефон, заставив ее вздрогнуть. Поморщившись, она сняла трубку:

– Алло?

– Явилась? – добродушно пробасил главный редактор, Анатолий Сергеевич Пенкин.

– Я не виновата, – Катя посмотрела на часы. – Ужасные пробки. И задержалась-то всего на пятнадцать минут.

– Ладно. Зайди ко мне.

– Лечу.

Девушка встала и направилась к двери, попутно размышляя о том, как она соскучилась по интересному заданию и как не хватало ей в последнее время хорошего материала для статьи. Впрочем, и в Приреченске все было на удивление тихо, поэтому газета ограничивалась обычной сводкой новостей или интервью с каким-нибудь представителем власти. «Зато Костик жил спокойно», – с нежностью подумала она о муже. За полтора года совместной жизни они наконец-то выбрались в дом отдыха и теперь лелеяли дерзкую мечту о летней поездке на море. Желание проводить с мужем как можно больше времени оказалось сильнее потребности в хорошей работе, и Зорина тихо произнесла:

– Надеюсь, у Сергеича ничего серьезного.

Кабинет главного находился на третьем этаже. Из приемной навстречу Кате выпорхнула худенькая секретарша Рита и чмокнула ее в щеку.

– С утра раннего о тебе спрашивал, – пояснила она на ходу.

– А что случилось?

Женщина приподняла тонкие наведенные брови:

– Понятия не имею. Ни пуха.

– К черту, – журналистка направилась к приоткрытой двери, намереваясь постучать.

– Входи, Катерина, – пригласил Анатолий Сергеевич, высокий полноватый мужчина лет пятидесяти. Уютно расположившись в большом черном кресле, он курил сигарету, попивая кофе из маленькой чашечки. – Присаживайся. Лучше напротив, чтобы я мог смотреть в твои прекрасные глаза.

Девушка рассмеялась:

– Кто мне еще комплимент скажет, кроме вас?

Пенкин махнул рукой:

– Это ты брось. Твой Скворцов на тебя насмотреться не может. Разве я ошибаюсь?

– Нет.

– Ну, вот видишь... – главный стряхнул пепел в массивную стеклянную пепельницу. – Теперь к делу. Небось, соскучилась по работе?

Зорина кивнула:

– В общем, да.

– Ты у нас теперь знаменитость, – Анатолий Сергеевич ласково потрепал ее по плечу. – Над чем работаешь? Новая книга на подходе?

Журналистка покачала головой:

– В данный момент наслаждаюсь спокойной семейной жизнью.

– Я так и подумал, – Пенкин посмотрел в окно. – Рад за твоего мужа. В городе сейчас действительно на удивление тихо. За последний месяц лишь парочка квартирных краж, и то не стоящих внимания. Но я, как старший товарищ, тебе помогу.

– Каким же образом?

– Не спеши. Кофе хочешь?

– Не откажусь.

– Риточка, – позвал Пенкин секретаршу, постаравшуюся незаметно проскочить на свое место, – угости-ка Катерину кофе.

Девушка расплылась в улыбке:

– Разумеется. Вам сварить еще?

– Давай. И сваргань пару бутербродиков, – отдав распоряжения, он повернулся к Зориной. – Так вот, дорогая. Ты теперь знаменитость. Извини, повторяюсь. Короче, вчера мне позвонил некто Хомутов Игнат Вадимович. Слыхала о таком?

– Конечно, – усмехнулась Зорина. – Кто ж его не знает?

Сказав это, она не лукавила. Академика Хомутова, доктора медицинских наук, лауреата всевозможных премий, знал весь город. Блестящий ученый, уже много лет работавший над созданием лекарств, способных помочь зараженным вирусом гепатита С, слыл гордостью Приреченска.

– Рад, что тебе знакомо его имя, – с иронией заметил редактор. – Сама понимаешь, какова сейчас современная молодежь. Кроме компьютерных игр, на уме ничего.

– Спасибо за сравнение, – ответила журналистка.

– Шучу, шучу, – Пенкин махнул рукой, – дело не в этом. Хомутов задумал писать мемуары. Сел за компьютер – и тут оказалось, что не может выдать из себя ни слова. Тебе не надо объяснять, как это бывает. Многие думают: дескать, научные статьи пишу, а уж художественные книжки – это мне раз плюнуть. А не тут-то было. В общем, звякнул он мне по старой памяти. Когда-то я набивал на нем руку.

– И делали это очень неплохо, – Зорина вспомнила цикл статей об академике, написанных в бытность Анатолия Сергеевича простым журналистом.

– Благодарю, – мужчина галантно поклонился. – Естественно, он предложил мне поработать с ним. Я отказался.

– Почему?

Полные щеки Анатолия Сергеевича покраснели:

– Вот поганка. Ведь все прекрасно понимаешь. Ну не мое это – писать большие произведения. Статейку – другое дело.

Катя знала: главный говорит правду. Если бы он засел за роман или повесть, это ни к чему бы не привело. Стиль профессионала Пенкина был почти так же тяжеловесен, как и у человека, не имеющего отношения к пишущей братии. Несомненно, он многого добился на профессиональном поприще, но только благодаря выдержке и терпению. Обладая каким-то нюхом на сенсации и умением достигать поставленных целей во что бы то ни стало, он пользовался, несомненно, заслуженным уважением. Как-то на очередном сабантуе Анатолий Сергеевич рассказывал о своем пути в журналистику. В детстве он безумно хотел стать военным, однако его мама, воспитывавшая сына одна, не собиралась экспериментировать с его поступ-

лением в высшее учебное заведение. В городском университете на журфаке преподавала родная тетя, постоянно твердившая: ее племянник может считать себя студентом. Это решило все.

«Но я не пройду творческий конкурс», – защищался мальчик. «Пройдешь».

Под руководством родственницы он сделал несколько публикаций, выдержал вступительные экзамены и был зачислен на факультет.

«Я горжусь тобой», – говорила мама, обнимая единственное чадо. Если бы она умела читать мысли! Месяц учебы прошел для парня как в страшном сне. Толя терпеть не мог гуманитарные предметы, из которых состояла программа журфака, и поклялся обязательно осуществить свою мечту. В свободное от учебы время юноша наведывался в военные училища, узнавая о правилах приема и забирая многочисленную рекламную литературу, в изобилии имеющуюся в каждом вузе. Он узнал, что артиллерийское училище в этом году недобрало желающих на один из факультетов, и это не прибавило радости. Ох, если бы его мать не была так непреклонна и не зациклилась бы на блате при поступлении! Однако Анатолий понимал: говорить с ней на эту тему сейчас – только расстраивать. Она все равно не разрешит бросить журналистику. От полного отчаяния спасло сообщение, сделанное деканом: в университете есть военная кафедра, окончившие ее получают звание лейтенанта запаса и при желании могут продолжать службу. Толик воспрял духом, ближайшие два года мечтая только об одном: пусть время летит как можно быстрее.

Однако судьбе было угодно, чтобы в конце концов мальчик полюбил выбранную матерью профессию. Случилось это так. После второго курса студенты проходили практику в городских газетах. Тетя пристроила племянника к своему знакомому, редактору молодежной многотиражки «Мы». Студенту никогда не нравилась эта газетенка с пустыми, но очень патристичными и патетичными статьями. Молодые приреченцы ее не читали. Дерзкий юноша не преминул сказать об этом главному. Тот снисходительно усмехнулся: «Критиковать все мастера. Сенсацию ему подавай! Ты сам поищи». «И поищу, – сказав это, Толик удивился сам себе: уж где-где, а тут он не собирался выкладывать. Парень открыл было рот, собираясь дать отбой, однако передумал и повторил: – Поищу».

План будущей статьи сложился в уме в одночасье. Тогда, во времена Советского Союза, о таком занятии, как проституция, умалчивали, но она, тем не менее, процветала. Однокурсницы Пенкина всю зарбатывали на студентах-иностранцах, оказывая разного рода услуги, а парни посещали два имевшихся в городе притона. За несколько дней, изрядно побегав, Анатолий раздобыл такую информацию, от которой у главного глаза полезли на лоб.

«Классно, – заявил он, прочитав огромную статью. – Жаль, что не пойдет». – «Как это – не пойдет?» – «А ты не понимаешь? – мужчина подмигнул ему. – Ты же сам говоришь: этого у нас вроде не может быть. Те, кто у власти, хотят, чтобы о подобном умалчивалось. Неужто ты надеешься, что они разрешат бросить такую бомбу?» – «И ничего нельзя сделать? – лицо Пенкина утратило краски. «Ничего. Забудь, – редактор похлопал его по плечу. – А за материал хвалю. Прекрасная вышла бы статейка. Вот только стиль у тебя тяжеленный. Тебе об этом никто не говорил?»

Толику стало стыдно. Такого он тоже не ожидал. Главный, заметив его смущение, смягчился: «Не горюй. Это приходит с опытом. У меня набьешь руку».

Далее Анатолий Сергеевич всегда с удивлением отмечал: в этот момент во мне родился журналист. Сбор информации, почти всегда сопряженный с какими-либо трудностями – то с нежеланием интервьюируемых говорить, то с неприятными неожиданностями, – стал вызывать в нем азарт. Через год парень уже не представлял себя на другом поприще. Нерадивый студент стал гордостью университета, публикуясь почти во всех газетах. Мать не могла нарадоваться: статьи ее сына ждали с нетерпением, их любили и с удовольствием читали. Разумеется, после окончания вуза ему предложили работать в самой крупной и солидной газете Приреченска. Стиль молодого дарования тоже со временем отточился. Однажды, переполненный эмоциями,

парень взялся за перо, намереваясь подарить городу роман, но вскоре понял: ничего не выйдет. Тяжеловесные синтаксические конструкции словно ждали своего часа, вылетая, как пули, на белый лист. Промучившись две недели, Анатолий сдался, подумав: видимо, литературный дар тоже избирателен. Не каждый поэт может написать хорошую прозу, и не каждый прозаик сочинит великолепные стихи. Что ж, возможно, его удел – статьи. А это тоже немало. Сделав подобные выводы, Пенкин без стеснения делился ими с коллегами, говоря: «Я оставляю вам широкое поле деятельности». Об этом и вспомнила Катя, разговаривая с шефом.

– Давайте вернемся к Хомутову. Вы, как я поняла, ему отказали.

– Совершенно верно. И теперь он хочет тебя, – последние два слова были произнесены с кавказским акцентом.

– Очень хочет? – подыграла Зорина.

– Безумно. И как можно скорее. Вот его визитка, – он протянул девушке картонный прямоугольник. – Место и время встречи оговаривайте сами. Можешь дуть к нему прямо сейчас. Я не ревную.

– Давайте попробуем, – журналистка придвинула к себе телефон и принялась набирать номер академика. Через полминуты в трубке раздался приятный бас:

– Слушаю.

– Здравствуйте, Игнат Вадимович, – начала Катя. – С вами говорит журналистка Екатерина Зорина.

– Здравствуйте, здравствуйте, – по голосу было слышно, что собеседник заулыбался. – А я ждал вашего звонка. Значит, Пенкин вам уже все рассказал. Ну и что? Вы готовы помочь?

– Я готова поговорить на эту тему.

Академик усмехнулся:

– Что же нам мешает встретиться прямо сейчас? Я совершенно свободен. Думаю, ваш начальник не станет вам препятствовать.

– Хорошо. Где?

– Разумеется, у меня дома.

– Как к вам проехать?

Хомутов подробно объяснил, где расположен его дом.

– Буду через полчаса.

– Прекрасно.

– До встречи, – положив трубку на рычаг, Зорина посмотрела на главного. – Ну, я полетела.

Анатолий Сергеевич улыбнулся:

– Вперед. Надеюсь, ты будешь давать мне читать отдельные главы.

Журналистка махнула рукой:

– Непременно. Но давайте сначала послушаем нашего клиента.

– Абсолютно с тобой согласен. Дуй. Диктофончик не забудь.

– Не забуду.

Выйдя из редакции, девушка села в машину и включила зажигание. К ее удивлению, старушка завелась довольно быстро.

– Ты тоже считаешь, что мы хорошо поработаем? – спросила у нее Катя.

Машина тихо урчала.

– Тогда не глохни на дороге, моя любимая, – Зорина хлопнула по рулю и нажала на газ.

Глава 2

Особняк академика вызывал зависть предпринимателей города. Трехэтажный гигант красовался на самом заметном месте Объездной, поражая глаз причудливостью архитектурного решения. Еще в университете увлекавшаяся историей мировой культуры, Зорина так и не смогла определить, какого направления придерживались строители и хозяин. Впрочем, все сочеталось органично, возникало желание при малейшей возможности нечто подобное выстроить и себе. Девушка подошла к массивной чугунной двери и нажала кнопку звонка.

– Иду, иду.

Академик предстал перед ней уже через несколько секунд. Высокий, все еще красивый и довольно моложавый, хотя ему вряд ли было меньше семидесяти, с густой шевелюрой, тронутой сединой, великолепными зубами, не попорченными золотыми коронками, он взял ее руку и поцеловал:

– Вы не поверите, как я вас ждал. Не терпится начать работать. Буду счастлив услышать, что вы испытываете аналогичные чувства.

Зорина рассмеялась:

– Именно так.

– Прошу в дом. Хорошее место, правда? Когда-то здесь стояла хибарка моих родителей. Я ее малость расширил.

Войдя в просторную прихожую, девушка поразилась количеству картин, висевших на стенах в золоченых рамах.

– Мое хобби, – пояснил Хомутов, перехватив ее взгляд. – Может же быть у человека увлечение? Надеюсь, у вас не возникнет никаких нехороших мыслей, если я скажу вам, что это подлинники?

Журналистка пожала плечами:

– Я не сомневалась.

– Прошу в кабинет.

Кабинет ученого был настолько просторным, что сюда поместился бы даже бильярдный стол.

– Садитесь, – он указал ей на мягкое кресло. – Чай, кофе? Может, чего-нибудь покрепче?

– Спасибо, – с благодарностью ответила замерзшая корреспондентка. – Чаю.

Игнат Вадимович взял в руки электрический чайник:

– Только вскипел. Вам крепкий? Впрочем, у меня есть и в пакетиках.

– Давайте.

Смакуя душистый напиток, девушка обратила внимание на фотографии, стоявшие на маленьком книжном шкафчике. С черно-белого снимка на нее смотрела молодая красивая блондинка.

– Моя жена Инна, – заметил академик. – Это – моя дочь Анечка, – он ткнул пальцем в огромную цветную фотографию, тоже, как и первая, в черной рамке. А это мой друг Саша и мои аспиранты Кирилл и Марина. Никого из них уже нет на свете. Все талантливые, красивые люди, жить бы да радоваться, – он взял Катю за руку. – Скажите, меня никто не называет за глаза черным профессором?

Девушка удивленно взглянула на него:

– Почему?

– Женщина, рядом с которой умирают мужья, слывет черной вдовой, – пояснил Хомутов. – А как бы вы назвали такого мужчину? Вероятно, я тоже отношусь к тем, кто негативно влияет на окружающих. Сначала – мой лучший друг Александр, с которым я учился в институте и поступил в аспирантуру. Мы оба стояли у истоков методики лечения, признанной теперь

во всем мире. Но судьбе было угодно оставить меня без коллеги. В двадцать три года Саша заработал два микроинсульта, на которые не обратил внимания: увлеченный человек, сами понимаете. Третий ударил изо всей силы, лишив его жизни, – Хомутов достал из кармана платок и поднес к глазам. – Потом я потерял жену. Она тоже училась с нами и помогала с работками. Инна умерла от родов. Мои коллеги – гинекологи были не в состоянии остановить кровотечение. Супруга не оказалась последней в этом страшном списке. Через пять лет двое аспирантов, талантливейших молодых людей, пропали без вести.

Катя затаила дыхание:

– Как это случилось?

– Я думаю, нападение, – Игнат Вадимович развел руками. – В тот день мы втроем получили премии от института. Тогда не существовало спонсорства. И на эти деньги мы должны были сами купить препараты, необходимые нам. Мы решили, что Кирилл и Марина, получив премии, подъедут ко мне. Так они и поступили. Втроем мы составили список нужных лекарств, и они отправились, – он сделал паузу. – Их машину нашли в лесу, в пяти километрах отсюда. Кирилл и Марина как в воду канули. Больше их никто не видел живыми, как, впрочем, и мертвыми.

Девушка наморщила лоб:

– Они не могли сбежать?

Лицо академика побелело:

– Вы не знаете, что говорите, – он ударил кулаком по столу. – Это были честнейшие люди!

В Кате проснулся профессиональный интерес:

– Какие же версии выдвигали в прокуратуре?

Хомутов махнул рукой:

– Я же сказал, ограбление.

– И никого не привлекали?

– Они никого не нашли.

Журналистка подалась вперед:

– Вероятно, они подозревали, что это сделал кто-то из близкого окружения. Кто-то заставил их выйти из машины. Согласитесь, в то время обстановка была далеко не такой криминальной. Правда, на Объездной еще не понастроили домов, однако она и тогда не отличалась безлюдностью. Ведь только по ней можно выехать из города. К тому же до недавнего момента метрах в пятистах от происшествия находился пост ГАИ.

Собеседник наморщил лоб:

– Не понимаю, куда вы клоните.

– Никто не решился бы направлять на них оружие. Место не гарантирует отсутствие свидетелей, – заметила Катя. – Они остановились и вышли, потому что не могли этого не сделать. Неужели доблестная милиция ничего не нашла?

Академик поправил шевелюру:

– Дело было зимой. Все произошло ночью, а к утру все занесло снегом. Если там и были какие-то следы...

– Понятно, – Зорина замолчала, подумав о том, что она отнимает время у своего клиента и, между прочим, теряет свое. – А дочь?

– После исчезновения аспирантов мне стало невыносимо жить в родительском доме, – Игнат Вадимович жадно отхлебнул из кружки, – я переехал в квартиру на улице Ленина. Прекрасные комнаты. Хорошие соседи, кстати, мои коллеги. Никто и подумать не мог о том, что случится, – он тяжело задышал. – Ане было восемнадцать. Она пошла по моим стопам и училась в медицинском. Тот подонок, сын профессора Видова, учился с ней на одном курсе. Они дружили, ходили в кино, в кафе. Парень не раз делал ей предложение. Но моя девочка отка-

звала. Нельзя сказать, чтобы он ей не нравился. Просто Анечка хотела посвятить себя учебе. И он не простил ей очередного отказа, – Хомутов замолчал.

Катя дотронулась до его руки:

– Если вам трудно...

– Нет, нет, – он выдал из себя жалкую улыбку. – Вы должны знать обо мне все. Однажды он подстерег ее на лестнице, заманил к себе в квартиру, надругался и задушил. В тот день я вернулся домой поздно. Стал искать Машеньку... стал звонить знакомым, – академик снова поднес к глазам платок. – Наутро сообщил в милицию. Они нашли ее только через три дня. Негодяй ждал удобного случая избавиться от трупа и прятал его на балконе. Январские морозы препятствовали разложению. Подлец! – Хомутов всхлипнул. – Но ему отлились ее слезы. В тюрьме не любят насильников. С ним покончили через два года.

– А его родители?

Игнат Вадимович поморщился:

– Профессор Видов свернул научную деятельность и уехал. Сынок лишил его возможности стать мировой знаменитостью. Во всяком случае, я больше о нем не слышал. А ведь он тоже был блестящим ученым.

Журналистка виновато посмотрела на собеседника:

– Извините. Я и не подозревала, какую тему затрагиваю. Сколько же вам пришлось пережить!

– Спасибо, что вы это понимаете, – академик благодарно улыбнулся ей. – Еще чаю?

– Не откажусь.

Он тяжело поднялся с кресла:

– Пойду за вареньем. Это мое фирменное блюдо.

Принеся госте клубничного варенья в хрустальной вазочке, Хомутов заметил:

– О деле мы так еще и не поговорили. Я вам не объяснил, чего хочу и почему выбор пал на вас, – академик взял в руки пакетик чая. – Мне нужна хорошая книга. Если бы я желал ознакомить жителей нашего города со своей биографией, можно было бы подредактировать то, что уже имеется, скажем, статьи вашего Анатолия Сергеевича. Однако подобное меня уже не устраивает. В наши дни нет проблем к доступу информации. Скупые сведения обо мне может выдать и Интернет. Понимаете, к чему я клоню? Мы должны написать так, чтобы эту книгу хотелось читать, и не только взрослым. Поверьте, в моей жизни было много интересного. Чего стоят знакомства с мировыми знаменитостями! Пенкин не смог бы выполнить мое желание. Вы – другое дело. Я читал ваши детективы, признаюсь, с огромным интересом, хотя никогда не являлся поклонником этого жанра. Ну, что вы скажете?

Катя поставила чашку на стол:

– Я согласна.

– Ну, тогда по рукам, – он потянулся к бутылке с вермутом, стоявшей на журнальном столике. – Я видел, как вы с недоумением смотрели на рюмку. Вот теперь она пригодилась. Предлагаю выпить за сотрудничество.

– Я за рулем.

– Ерунда, – отмахнулся Игнат Вадимович. – Капля спиртного не повредит. Впрочем, если что... На визитке номер моего мобильного. Стоит мне позвонить куда следует – и гибэдэдэшники вас не тронут.

Зорина не стала отказываться: она любила вермут.

– Только капельку.

– Понятное дело, – он поднял рюмку. – Пусть наша совместная работа будет плодотворной.

Глава 3

Покинув гостеприимный дом нового знакомого, журналистка села в машину и набрала номер мужа. Металлический голос сообщил, что абонент временно недоступен. Девушка недовольно бросила мобильный на переднее сиденье.

– Вот черт, я и забыла.

Утром Костик говорил ей о совещании. Конечно, он и сейчас там, и неизвестно, когда освободится. А ей так хотелось увидеть его. Рассказанное академиком тяжелой гирей висело на душе. Страшные события в жизни этого человека не казались девушке простым совпадением.

– Поехать, что ли, к Игорьку?

Кто-то должен был разрешить ее сомнения. Почему бы не следователь прокуратуры?

Решено! Зорина включила зажигание.

Катя застала Мамонтова в коридоре. Размахивая руками, он что-то доказывал стоящему рядом парню. Журналистка потянула его за рукав:

– Привет. Надо поговорить.

Увидев ее, он расплылся в улыбке:

– Катюха! Ты откуда?

– Сейчас узнаешь, – она оглянулась по сторонам. – Пойдем к тебе в кабинет?

Следователь обнял ее за плечи:

– Пойдем. Рома, потом продолжим.

Его собеседник лукаво подмигнул:

– С такой красавицей и я не прочь посекретничать.

Мамонтов изобразил испуг:

– А вот этого не советую. Ее муж – Костик Скворцов.

Молодой человек с любопытством посмотрел на девушку:

– Следовательно, перед нами сама Зорина. То-то, смотрю, лицо знакомое! Какие люди посетили наш скромный приют! Кстати, мое имя – Роман. Если вам понадобятся сюжеты для книг – милости прошу... – он галантно поклонился.

– Иди уже, – Игорь легонько толкнул его в спину. – Будешь нужен – позовем, однако не обольщайся. У Катюхи с ментами самое тесное сотрудничество, закрепленное, между прочим, штампом в паспорте.

– Понял, – Роман послал журналистке воздушный поцелуй. – С операми лучше не связываться. Прощайте, фея детективного жанра.

– Уф, – выдохнул Игорь, глядя на удаляющегося коллегу. – Еще один твой неожиданный приход – и мой кабинет станут брать штурмом, – он взял Катю за руку. – Идем.

В кабинете Игоря было просторно и светло. Зорина примостилась на мягком диване:

– Хорошо тут у тебя! Не то что у Кости! Правда, до хомутовских хором далеко.

– До каких? – не понял следователь.

– Сегодня я была в гостях у Хомутова, – пояснила журналистка. – Слышал о таком?

– Об академике?

– Точно.

Мамонтов усмехнулся:

– Кто ж его не знает! Пишешь о нем статью?

– Бери выше. Книгу.

– Ну, вы даете! – Игорь даже привстал со стула. – Он хочет быть главным героем твоего очередного детектива?

Журналистка махнула рукой:

– Отнюдь. Он рассчитывает на бестселлер, но в другом жанре. Моя задача – сделать из его биографии конфетку.

– Сочувствую, – следователь наморщил нос. – Никогда бы не связывался с учеными. По моему, они все того, – мужчина покрутил пальцем у виска. – Ну, хватит о нем. Ты же не пришла ко мне для того, чтобы поговорить о Хомутове?

– Ошибаешься.

Собеседник рассмеялся:

– Но я ничего не понимаю в медицине.

– Речь не об этом, – Катя наклонилась вперед. – Игорь, ты слышал когда-нибудь о трагических событиях в его жизни?

Мамонтов почесал затылок:

– Знаю о жене и дочери.

– Это не все, – Зорина вкратце пересказала то, о чем говорил академик. Следователь удивленно уставился на нее:

– Ну и ну! Вот так история! Предложи ему написать детектив.

– А если серьезно?

– То есть ты хочешь заняться расследованием?

– Это желание будет преследовать меня, – заметила Катя. – Ты сам посуди: слишком много трагических случайностей. Правдоподобно выглядит только смерть жены.

– А смерть друга ты случайной не считаешь? – поинтересовался Игорь. – Хотелось бы узнать почему. Насколько я понял, он скончался от инсульта. Что ж, возраст сердечно-сосудистых заболеваний уже давно помолодел. Кстати, если ты помнишь, в то время вскрывали каждого, а к результатам вскрытия относились очень серьезно.

– Где орудуют медики, там нельзя полагаться на результаты, – парировала Зорина. – Сейчас люди, имеющие к этой области самое отдаленное отношение, знают, как при помощи определенных лекарств добиться того или иного эффекта. А уж если врач задумал совершить убийство... Согласись, у него куда больше шансов выйти сухим из воды.

Мамонтов пристально посмотрел ей в глаза:

– И какие ты сделала выводы?

– Кто-то из его коллег-медиков сознательно вредил ему на протяжении всей его жизни, желая, вероятно, одного: чтобы этот человек опустил руки, – вздохнула девушка. – Тебе так не кажется?

Игорь пожал плечами:

– А смысл?

– Предположений может быть масса, – заметила журналистка. – Например, несчастная любовь и зависть к счастливому сопернику. Я видела фотопортрет жены Хомутова. Она просто идеально красива даже по строгим голливудским меркам. Кроме того, мы не раз сталкивались с подобными случаями. Когда женщина умирает от родов, гнев любивших ее людей обрушивается на мужа.

– Тогда смерть друга тоже случайность, – бросил Игорь. – Он ведь умер раньше ее.

– Об этом я не подумала, – кивнула Катя. – Ладно, оставим их, поговорим об аспирантах. Ты можешь представить, чтобы два человека ни с того ни с сего вышли из машины на пятом километре Приреченского шоссе и бесследно исчезли?

Собеседник пожал плечами:

– Подобное встречается сплошь и рядом.

– Это в наше время, – возразила Катя. – Сорок, даже тридцать лет назад люди и представить такого не могли. Нет, разумеется, случалось нечто похожее, но, согласись, не на дороге, по которой постоянно снуют машины. Кроме того, до поста ГАИ рукой подать. В общем, девяно-

стодевятипроцентная вероятность быть увиденным и услышанным. Как случилось, что мужчина и женщина просто растворились в воздухе, не оставив следов?

Мамонтов постучал пальцем по лбу:

– Вот тут ты права. И я понял, как тебе помочь, – он снял трубку и набрал номер. – Кузьмич? Привет, это я. Слушай, с кем можно пообщаться насчет дела сорокалетней давности? Кто, ты говоришь? Он еще жив? Диктуй координаты.

Сделав записи на листке бумаги, следователь протянул его Кате:

– Тебе повезло. Лучший сыщик тех лет Федор Григорьевич Иваненко жив, здоров и довольно бодр для своих восьмидесяти. Здесь его телефоны.

Зорина улыбнулась:

– Ты настоящий друг.

Игорь мечтательно посмотрел на нее:

– Жаль, что мы не скоро увидимся. О результатах расследования ты, конечно, будешь докладывать Костику.

– Тебя тоже не забуду, – журналистка поднялась со стула.

– Может, кофейку? – спохватился Мамонтов.

– Спасибо, не надо. Наш дорогой академик чем меня только не поил.

– Понимаю, – мужчина потер руки. – Ох, чую, не биографией ты будешь заниматься.

– А чем? – удивилась гостя.

– Нас ждет очередной детективный роман, – следователь похлопал ее по плечу. – Подкинь идею своему дедуле. Он же хотел бестселлер.

– Балабол, – Зорина ласково взъерошила ему волосы. – Пока.

– Без прощального поцелуя? – возмутился Мамонтов. – И вот награда за труды.

– Обойдешься.

За Катей закрылась дверь. Несколько секунд после ее ухода мужчина мечтательно улыбался:

– Хороша, чертовка. Вот повезло Скворцову!

Глава 4

Федор Григорьевич Иваненко, когда-то старший следователь прокуратуры, безумно любил свою работу и прекрасно справлялся с ней. Старика отправили на заслуженный отдых, когда его глаза отказались видеть, а мозги – запоминать происходящее во всех деталях. Однако с прошлым он окончательно не порвал, постоянно принимая участие во всех праздниках и юбилеях и читая лекции курсантам Школы милиции. Разумеется, бывший следователь обрадовался Катиному звонку, как ребенок.

– Я с удовольствием поговорю с вами, милая барышня. Сможете подъехать ко мне на дачу? Нам никто не помешает.

Зорина дала согласие.

Разумеется, дача бывшего следователя была далеко не такой шикарной, как жилище академика Хомутова. Маленький участок, небольшой одноэтажный домик с разбитым чердачным окном навевали мысли о скудной пенсии.

– Ожидали увидеть нечто вроде фазенды? – словно прочитав ее мысли, усмехнулся вышедший навстречу старик в видавшей виды пыжиковой шапке-ушанке. – Извините. Каюсь: в свое время взяток не брал. Впрочем, мне хватает и этого. Когда в моей двухкомнатной хрущевке собирается гоп-компания из шести внуков, я порой не выдерживаю. Лучшего места, чтобы отсидеться, по-моему, не найти. Как вы считаете?

Катя улыбнулась:

– Вы правы.

– То-то же, – Иваненко распахнул перед гостьей дверь. – Будьте как дома. Прошу без церемоний.

В маленькой гостиной, имевшей из мебели только диван и стол с несколькими стульями, оказалось неожиданно уютно. Федор Григорьевич сбросил куртку:

– Располагайтесь. Чаем напоить?

– Давайте.

Он вышел из комнаты, вернувшись через несколько минут с большой кружкой и блюдцем с вареньем:

– Из алычи. Попробуйте. Жена делает.

– Спасибо.

– Так с чем пожаловали?

Зорина отставила кружку:

– Я узнала, что вы вели дело по исчезновению аспирантов академика Хомутова.

Хозяин бросил на девушку взгляд из-под нависших бровей:

– Ну, вел. И что с этого? Насколько я помню, это дело давно минувших дней.

– Но, как видите, оно меня заинтересовало.

– Чем же? – удивился Иваненко. – Собираетесь писать в газету? Разве больше не о чем?

– Не совсем так.

Журналистка в двух словах объяснила, почему это привлекло ее внимание. Мужчина кивнул:

– Понятно. О чем же вам рассказать?

– Почему дело было закрыто? Что, действительно, ни одной зацепки?

– Ни одной, – развел руками собеседник. – Даже погодка подкачала. Представьте: ночью – сильный ливень, а под утро – снегопад и мороз. Ну, вы понимаете... Если что-то и было...

– Вы ничего не нашли.

– Ничего, – он виновато посмотрел на нее. – Это не давало мне покоя, и я не раз туда возвращался, искал спрятанные трупы. Мы с коллегами перерыли лесок вдоль и поперек. Безрезультатно.

– Значит, вы поддерживаете версию об ограблении на дороге...

Хозяин усмехнулся:

– Естественно. Это была наша единственная версия.

– То есть копать в других направлениях вы не пробовали?

Он поднял брови:

– Почему? Это также ничего не дало. Предположение, что эти ребята сбежали в неизвестном направлении, я отмел. Сумма, конечно, неплохая, но не более того.

– Подозреваемых не было вовсе?

– Такое, знаете, тоже случается.

Катя наклонилась к нему:

– И вам не показалось странным...

– Показалось, – перебил ее Федор Григорьевич. – В том-то и фокус. По этой дороге и тогда сновало много машин. Вывод напрашивался сам собой: если кто-то собирался проверить ограбление, то выбрал для преступления неудачное место. Странно, что не нашлось свидетелей.

– Более чем, – подтвердила Катя.

– Разумеется, я проверил, – он отхлебнул чая. – Отыскал людей, ехавших по этой дороге приблизительно в интересующее нас время. Одни видели, как бежевая «Волга» направлялась к Залесску, другие – как она уже стояла на обочине. Непосредственных очевидцев разыскать не удалось. Поэтому я сосредоточился на вопросе: кому это выгодно. Признаюсь, и здесь ничего не добился.

Зорина кивнула:

– Неужели не на кого было подумать?

Иваненко пожал плечами:

– Я прошерстил всех, что-либо знавших о премии. Во-первых, это солидные люди, которых в подобной роли невозможно представить. Во-вторых, все они имели алиби.

– А их родные и близкие?

– Тоже, – он развел руками. – Можете поверить: я проверял их семьи, как говорят, до десятого колена. Безрезультатно. Впрочем, кое-какие мысли у меня появились.

Журналистка отставила кружку:

– Расскажите?

– Разумеется, – он откинулся на спинку стула. – У одного коллеги Марины Викторовой и Кирилла Панина, доцента Сергеева, тяжело болела дочь. Девочка нуждалась в операции, стоившей больших денег. Несчастный отец приходил к директору института, просил помощи. Тот не только отказал, но и пригрозил увольнением в случае, если Сергеев будет искать заработки на стороне. Коллеги также ничем помочь не захотели. Вполне возможно, мужчина отчаялся и совершил преступление. Во всяком случае, деньги он нашел, и девочке сделали операцию. Правда, лучше от этого не стало: она все равно умерла. Врачи сказали: если бы чуть раньше...

– Он мог занять у друзей, – ответила Катя. – У близких, родственников...

– Конечно, – согласился бывший следователь. – Однако зачем, в таком случае, морочить мне мозги, утверждая, что все до копейки заработал сам?

– Вероятно, у него были причины, – протянула девушка. – Хотя я его и не знаю, но как-то маловероятно, что Сергеев, даже запланировав ограбление, убил бы ни в чем не повинных коллег. Вы же не сомневаетесь, что они мертвы?

Федор Григорьевич вздохнул:

– Уже нет. Да, его моральный облик тогда сослужил ему добрую службу. Теперь мне кажется: с ним можно было поработать еще.

– А другие мысли?

Иваненко посмотрел на собеседницу:

– У Марины Викторовой имелся ухажер Василий Костыря.

– И что вам показалось странным?

Мужчина наклонился к ней:

– Викторова была красивой статной женщиной лет под тридцать и к тому же умной. В институте никто не сомневался: после кандидатской последует докторская. Костыря – полная противоположность ей. Он даже десятилетку не окончил.

– Чем же он занимался?

– Работал шофером на автобазе, – пояснил Иваненко. – Маленький, невзрачный, незаметный. Ума не приложу, что их могло связывать. Впрочем, возможно, занимаясь наукой, девушка упустила время и теперь хватала то, что подворачивалось под руки.

Зорина подняла брови:

– При всем Василий мог быть просто порядочным, и она это ценила.

– Должно быть, – Федор Григорьевич сделал паузу. – Костыря жил с матерью, не имел собственной жилплощади. Вот почему молодые тянули со свадьбой. Жених собирал на кооператив.

– И насобирал?

Следователь усмехнулся:

– Его друзья утверждали: Василию это не под силу. Как только у парня заводились денежки, он бежал в пивную и начинал сорить ими, как сеятель. Вот почему мать Викторовой категорически возражала против такого брака, – он провел рукой по волосам. – После исчезновения Марины ее несостоявшийся муж все-таки сделал взнос за квартиру.

– Как это ему удалось?

– От отца достался старый «Запорожец», – продолжал Иваненко. – Костыря сказал, что по ночам подрабатывал извозом. Это утверждение, сами понимаете, мы не могли опровергнуть. Меня насторожило, что он довольно скоро женился, хотя на следствии разыгрывал безутешного влюбленного.

– Но ведь бывает и такое... – возразила журналистка.

– Бывает. Алиби, правда, у него на тот момент оказалось хиленькое. Василий ездил в Залесск в командировку, остановился у друга. Друг подтвердил сей факт, однако признался, что иногда ночевал у своей любовницы и, естественно, не мог ручаться за каждую минуту. От Приреченска до Залесска рукой подать.

Катя усмехнулась:

– Немного притянута за уши.

– Вот поэтому я проверил и третью версию. Она довольно интересна, и я припас ее вам на закуску. С матерью Викторовой мне не сразу удалось поговорить. Когда она пришла в себя и мне разрешили допросить ее, я услышал: «Он все-таки исполнил свою угрозу и убил мою девочку».

– Кто? – не поняла Зорина.

– Я задал ей тот же вопрос, – усмехнулся Федор Григорьевич. – Вы не поверите, что я услышал. Женщина уверенно заявила: «Хомутов».

Катя почувствовала озноб:

– Хомутов? Но почему?

– Больше, к сожалению, я ничего не добился, – следователь вздохнул. – Мать окончательно потеряла рассудок. До конца своих дней несчастная просидела в психушке.

– Но академика вы тем не менее проверили?

– Разумеется, – ответил собеседник. – Я набрался наглости. Приехал к нему в кабинет и выпалил в лицо то, что сообщила Викторова.

– А он?

– Повел себя очень деликатно, – пояснил хозяин. – Сделал сочувственную мину, сказав: мол, бедная женщина давно является постоянным клиентом психбольницы. Естественно, по работе они с Мариной встречались, иногда он бывал и у нее дома. Несмотря на то что девушка собиралась замуж за Костырю, Елизавета Тихоновна (так звали маму), узнав о Хомутове все (ну, вдовец, без пяти минут доктор наук), положила на него глаз и стала усиленно сватать. Однажды Игнату Вадимовичу пришлось в деликатной форме умерить ее пыл. Она ему этого не простила.

– Викторова действительно давно страдала психическими заболеваниями? – спросила Катя.

– Да. В больнице это подтвердили, показав ее медкарту.

Девушка махнула рукой:

– Тогда это многое объясняет.

– Кроме одного, – он пристально посмотрел на нее. – После разговора с Хомутовым мне позвонили из министерства.

Журналистка подняла брови:

– Из вашего?

– Именно. Сказали, что я донимаю нелепыми вопросами уважаемого человека, стоящего на пороге небывалых открытий. Короче, попросили его больше не беспокоить. Его я больше не беспокоил, – он сделал ударение на слове «его».

– Но расследование не прекратили, – поняла Катя.

– Да. Впрочем, оно ничего не дало. Я отыскал свидетелей. Соседка Игната Вадимовича видела, как часов в девять вечера к нему подъехала бежевая «Волга», из которой вышли женщина в красном пальто, в платке на голове, и мужчина в дубленке. Эта же соседка, выходявшая в одиннадцать к куме, заявила: именно в это время упомянутая пара села в машину и поехала по направлению к Обьездной. Будущий академик оказался вне подозрений.

– Звонок в министерство при желании тоже можно объяснить, – заметила девушка. – Ученому нужна предельная концентрация. Милиция мешает это сделать.

Иваненко пожал плечами:

– Возможно. Однако я беседовал с ним не более трех раз.

– Этого оказалось достаточно.

– Повторяю: возможно, – внезапно вскочив со стула, мужчина подбежал к окну и резким движением отдернул занавеску. – С того момента меня не покидает ощущение, что за мной следят. Я почти уверен в этом.

– Из-за того дела?

Бывший следователь рассмеялся:

– У меня на счету масса дел. Сразу не угадаешь.

– Потом вам приходилось встречаться с академиком?

– Представьте, да, – мужчина придвинул к ней блюдо с вареньем. – После того, как убили его дочь. Вы знаете об этом?

– К сожалению.

– Я не вел дело, – он добавил себе кипятку. – Но Игнат Вадимович отыскал меня и стал просить помощи. Дескать, я, как его старый знакомый, должен приложить все усилия, чтобы сын его коллеги, профессора Видова, не ушел от возмездия, прибегнув к связям папаши, и получил на полную катушку. Я ответил уклончиво, желая поскорее от него отделаться. Короче, помогать ему я не собирался.

Катя отхлебнула из чашки:

– А потом?

– Он приходил не раз, – пояснил Иваненко. – Казалось, больше всего его беспокоила мысль о том, что он, врач с такими регалиями, проморгал психически ненормального.

– Кого? – не поняла девушка.

– Мальчишка не получил на полную катушку по одной причине, – бросил бывший следователь. – Его признали невменяемым. Это был шок даже для родителей, делавших все, чтобы доказать его невиновность. Через два года убийца повесился в психиатрической больнице.

– Я об этом не знала. То есть знала, но не все.

– Да, академик не был с вами предельно откровенным. Зато я вам рассказал все.

– Спасибо, – Зорина поднялась со стула. – Извините, что отняла у вас так много времени.

Федор Григорьевич взял ее за руку:

– Это вам спасибо. Думаете, мне весело сидеть здесь одному? Я безумно радуюсь хорошим людям, иногда заходящим на огонек. Если что... Вы знаете, как меня найти.

Выйдя из калитки, Катя остановилась как вкопанная. На белом снегу, рядом со следами ее сапожек, четко отпечатались следы мужских ботинок. Старик оказался прав: кто-то действительно подходил к дому, топтался на месте, похоже, что довольно долго, потому что успел выкурить две сигареты, и отправился восвояси. Интересно, что и кому здесь было нужно? Девушка сделала вид, что случайно уронила сумку, присела на корточки и ловким движением вытащила из нее маленький целлофановый пакетик – такие она всегда носила с собой. Потом незаметным движением бросила туда оба окурка.

– При случае покажу Михалычу.

Вскочив, журналистка направилась к «Жигулям». Ее не покидало ощущение, что кто-то пристально наблюдает за каждым ее движением.

Глава 5

Игнат Вадимович позвонил Кате утром:

– Каковы ваши планы на сегодняшний день?

– Собираюсь в редакцию, – ответила она ему.

– Можете не торопиться, – он рассмеялся. – Я договорился с Пенкиным. Как только вы будете нужны мне, сообщайте ему. Он сказал, что вы полностью в моем распоряжении.

– Ну, раз так... – журналистка потянулась за джинсами. – Тогда ждите меня.

– Не завтракайте, если еще не успели, – бросил Хомутов. – Я уже открыл банку с икрой и сейчас сделаю тосты. Что касается меня, я плодотворно работаю только на сытый желудок.

Против этого Катя не возражала.

– Подумали, как оформить мою биографию? – спросил Зорину Хомутов, наливая чай. – Надеюсь, вы помните мои условия: я хочу, чтобы эту книгу читали все.

– Тогда мне понадобится больше времени, – заверила его Зорина. – Вероятно, это будет роман, в котором переплетутся ум и глупость, любовь и ненависть, добро и зло...

Академик довольно улыбнулся:

– Вижу, я в вас не ошибся. Что требуется от меня?

– Помощь с поиском остальных героев, – журналистка намазала маслом горячий тост. – Трагические события в вашей жизни мы обходить не будем, – она пристально посмотрела на него. На бронзовом от загара лице не дрогнул ни один мускул:

– Я не возражаю.

– Тогда вы снабдите меня информацией, с кем я могу пообщаться насчет ваших близких и коллег... Ну, вы понимаете, о ком я говорю...

Игнат Вадимович кивнул:

– Конечно. С кого начнете?

– С ваших аспирантов.

Он провел рукой по лбу:

– С Марины и Кирилла? Боюсь, у девочки не осталось родственников. Она жила с матерью, которая умерла лет пять назад.

– А любимый человек?

В его глазах засветилось любопытство:

– Вы что-то раскопали или даете волю своей буйной фантазии?

Катя рассмеялась:

– Скорее, логическое мышление, – она подняла вверх указательный палец. – Судя по фотографии, Викторова была привлекательной, еще довольно молодой женщиной. Неужели она решила посвятить себя науке и не думала о семье?

Хомутов задумался:

– Не совсем так. Да, моя аспирантка была из тех, которые ради науки готовы забыть обо всем на свете, однако женишок у нее имелся. Представляете, об этом я узнал не от нее, а от коллег по институту. Она его, как сейчас модно выражаться, не пиарила.

– Как вы думаете, почему?

Академик надкусил тост:

– Они не подходили ни внешне, ни внутренне. Парень был ниже ее на голову и работал водителем. Покойная матушка Марины делала все, чтобы эта странная свадьба не состоялась.

– Что же привлекало в нем Викторovu?

– Черт его знает, – мужчина почесал затылок. – Возможно, боязнь остаться совсем одной. Иначе я никак не могу объяснить сей факт.

– Вы поможете мне его найти?

– Попытаюсь, – он взял со стола старый блокнот. – Когда-то я записал его фамилию и адрес, так, ради интереса, даже не подозревая о том, что случится с Мариной. Вот... Извольте... Василий Лукич Костыря, улица Тополиная, 7. Можете воспользоваться этими данными. Вдруг парень до сих пор не переехал из своего ветхого домишки?

– Откуда вы знаете, в каких условиях он живет? – лукаво спросила Зорина.

– О, меня просветила на этот счет мать Марины, – академик взял салфетку. – Старушка была не против рабочего класса, однако отсутствие у жениха жилплощади ее сильно удручало, – Игнат Вадимович растянул в улыбке тонкие губы. – Помню, будущий муж вешал лапшу насчет кооперативной квартиры и вроде бы приобрел ее после исчезновения Марины, но адреса у меня нет. Узнать бы, на какие шиши. Впрочем, это по вашей части, – он дотронулся до локтя девушки. – Как я понял, вы сегодня навестите этого уже немолодого человека. А со мной-то поработаете?

– С удовольствием, – журналистка отодвинула пустую чашку и включила диктофон. – Рассказывайте все по порядку, начиная с детства.

Глава 6

Записав беседу с академиком на диктофон, Зорина села в машину и отправилась на Тополиную. Само название этой улочки предполагало ее размещение на окраине города или в частном секторе Центра. Девушка решила начать с окраины, зная, что именно район Объездной кишит Абрикосовыми, Кленовыми и Персиковыми. Расчет оказался верен. Тополиная почти вплотную подходила к дороге. Отыскать нужный дом не составило труда. Теперь оставалось надеяться, что его нынешние жильцы помогут найти Костырю.

– Здравствуйте, – обратилась она к невысокому мужчине лет шестидесяти пяти, одетому в черную телогрейку и самозабвенно рубившему дрова возле забора. – Вы давно здесь живете?

Хозяин недружелюбно поглядел на незваную гостью:

– А вам какое дело? Вы, собственно, кто такая?

– Мне нужен Василий Костыря.

– Зачем?

– Я хочу поговорить с ним об одной его старой знакомой.

– О какой?

Под градом вполне правомерных вопросов девушка растерялась:

– Если вы не Василий, ее имя вам ничего не скажет.

– Но я должен знать, кто вы такая, – в глазах мужичонки засветился интерес, и Катя облегченно вздохнула: это наверняка и есть сам бывший жених Викторовой. Крохи сомнений рассеяла вышедшая к ним полная женщина:

– Вася, тебя к телефону.

– Ваша фамилия Костыря? – обратилась к ней журналистка.

– Да, а в чем дело?

– Поговори с ней, – напутствовал Василий жену. – Узнай, чего она хочет, – он открыл калитку и направился в дом. Женщина недоуменно уставилась на Катю.

– Меня зовут Екатерина Зорина, – представилась девушка. – Если вы смотрите местные каналы...

Губы хозяйки дрогнули:

– То-то мне знакомо ваше лицо... Но, простите, зачем вам понадобился муж?

– Сейчас я пишу очередную книгу, – пояснила журналистка. – Вы что-нибудь слышали об академике Хомутове?

Никакой реакции! Лицо женщины оставалось спокойным.

– Не скажу, что много. Так, в общих чертах.

– Муж не рассказывал, что хотел в свое время жениться на одной из аспиранток академика?

– На Марине? – хозяйка улыбнулась. – Представьте себе, я ее тоже видела и даже разговаривала с ней. Мы с Васей с детства живем по соседству, – она хихикнула. – Как складно у меня вышло! Это Васин дом, а вон тот, – женщина показала на соседний, – мой. Когда Марина исчезла, Костыря женился на мне. Мы живем вместе уже сорок лет. Кстати, я не представилась. Наталья Ивановна. Да вы проходите. К нам не каждый день заглядывают такие люди.

По вымощенной булыжником дорожке они прошли в маленькую прихожую ветхого домика, давно мечтающего о хорошем ремонте. Как бы прочитав мысли госты, Наталья Костыря виновато развела руками:

– Извините. У нас не евроремонт. Когда-то мы приобрели квартиру почти в Центре, да потом отдали ее дочери. Она одна растит двоих сыновей, и мы, естественно, до сих пор ей помогаем, – она словно желала оправдаться. Катя дотронулась до ее плеча:

– Правильно делаете.

– А мне с Костырей и здесь хорошо, – Наталья Ивановна сняла туфли и прошла в гостиную, поманив за собой Катю. – Вася, ты закончил разговаривать?

– А что?

– Если да, то принимай гостью. Сама Екатерина Зорина к нам пожаловала.

Это известие не вызвало у него никаких эмоций, однако из спальни он все-таки вышел:

– И что ей надо?

– Информация о Марине Викторовой.

Крепкий мужчина смертельно побледнел:

– Зачем? Это дела давно минувших дней... – он пытался справиться с испугом, вероятно, боясь, что Катя заметила его.

– Я пишу книгу о Хомутове, – пояснила она.

– И он порекомендовал обратиться ко мне?

– Игнат Вадимович хочет, чтобы произведение получилось интересным, – Зорина не сводила с него глаз. – Вы ведь не будете отрицать, что с вашей бывшей невестой и ее коллегой произошел из ряда вон выходящий случай?

Кажется, хозяин начал успокаиваться.

– Что же конкретно вы хотите узнать?

– Ваше мнение о ней.

К Костыре стал возвращаться румянец.

– Садитесь, – он указал ей на кресло. – Наталья, сообрази нам чего-нибудь.

Жена кивнула и послушно ушла на кухню. Василий Лукич взъерошил курчавые волосы:

– С Мариной мы познакомились на танцах в Доме культуры. Знаете, сколько раз из меня вытягивали это признание? Как будто рабочий человек не имеет права полюбить девушку другой социальной принадлежности, – он достал папиросу. – Можно?

– Конечно, – разрешила Зорина.

– Я не собирался туда идти, – продолжал Костыря. – Меня затащил друг, студент медицинского института. Когда-то он проживал со мной по соседству, а потом его родители получили квартиру в другом районе. Вот он меня и заманил. Там я увидел девушку, привлекающую мое внимание, подошел к ней, пригласил на медленный танец. Мы разговорились, потом я отправился ее провожать, – он улыбнулся, – попросил номер телефона, она дала. Помню, я был на седьмом небе от счастья. Будьте уверены, я позвонил ей на следующий же день, назначив свидание. Она пришла, – хозяин сделал паузу и глубоко затянулся, – мы гуляли с ней по городу и говорили, говорили, говорили... Нам было интересно друг с другом... Потом еще и еще встречи... Вскоре я понял, что люблю ее, и сказал об этом.

– Как же отнеслась к вашему признанию Викторова?

Василий подмигнул ей:

– Представьте себе, обрадовалась. Мы стали видеться каждый день. После трехмесячного знакомства я решился сделать предложение. И она его приняла.

Катя напряженно слушала, стараясь не пропустить ни слова. Разумеется, в жизни бывают чудеса. Принцы влюбляются в Золушек, а принцессы – в Тарзанов не только в сказках. Богатые, красивые и знаменитые не перестают поражать общество своими выходками, скажем, неизвестно откуда взявшимися вторыми половинами. Все зависит от того, что человеку нужно. Вполне возможно, перспективному молодому ученому Марине Викторовой в тридцать лет захотелось крепкой семьи и мужа, который смотрел бы ей в рот. Вполне возможно, что именно такую кандидатуру она увидела в неизвестно откуда взявшемся деревенском полуграмотном пареньке Василии Костыре. Если так, то концы с концами вроде бы сошлись, однако... Это «однако» и тревожило журналистку. В поведении сидящего рядом человека, в напыщенных, каких-то надуманных, книжных фразах, в выражении лица Зорина не нашла ничего, что ска-

зало бы ей о его большой любви к бывшей невесте. Следовательно, ее и не было. Как же, в таком случае, ему удалось зацепить такую девушку? Или он более умело рисовался?

– В желании стать моей женой, – хвастливо разглагольствовал Костыря, – Марина шла против воли матери. Старушка меня не любила. Еще бы! Она хотела для своей дочери академика, а тут – простой шофера.

– И вам не удалось ее смягчить?

Он засмеялся:

– Кажется, удалось. Заявил ей о приобретении кооперативной квартиры в Центре.

– Как же вы собирались ее приобрести? – Катя сделала удивленное лицо. – Тогда это могли позволить себе только очень обеспеченные люди.

– Тогда, – сделал ударение на слове собеседник, – государство заботилось о своих гражданах. Это – во-первых. Во-вторых, я зарабатывал побольше Марины. В-третьих, по наследству от отца мне достался старый «Запорожец». На нем я стал заниматься извозом. Вот так наскреб на первый взнос, – выражение его лица смягчилось. – Есть еще и в-четвертых. Мне хотелось доказать, что я тоже что-то да значу. Вы меня понимаете?

Катя кивнула:

– Известие об исчезновении Марины стало для вас шоком?

Он отвернулся.

– А вы как думали? Скажите, нам обязательно говорить об этом? Я бы не хотел ничего вспоминать, – Костыря избегал встречаться с ней глазами. – Если это все... Вы, кажется, еще хотели посетить семью Кирилла Панина, коллеги Марины, который пропал вместе с ней.

Зорина изумилась. Ни о чем подобном она не говорила. Ее вежливо выпроваживали за дверь.

– Поспешите – и успеете подъехать до наступления темноты, – Василий Лукич встал со стула, делая знак вошедшей с подносом жене, – не суетись. Наша гостья уже уходит.

– Так быстро? – на лице женщины читалось разочарование. – А я вареников наделала.

– В следующий раз.

Хозяин взял девушку за локоть и торопливо повел по вымощенной булыжником дорожке, объясняя, как найти нужный дом.

– До свидания. Рад был познакомиться.

Не дожидаясь ответных слов, он круто развернулся и скрылся во дворе. Журналистка медленно подошла к машине. Безобидный деревенский мужичок Костыря чего-то панически боялся. Но чего и почему? Ладно, об этом она подумает в пути. Открывая дверцу и готовясь сесть на водительское сиденье, Зорина заметила темный комочек, лежащий на капоте, и, протянув руку, взяла его.

– Бедняжка!

Это было бездыханное тельце синички.

– Отчего же ты умерла?

Катя поднесла ладонь с птичьим трупиком к глазам и вскрикнула. Чья-то безжалостная рука пробила пташке грудь. Внезапно побледнев от нахлынувшего страха, Зорина оглянулась по сторонам. Несчастная синица, как пить дать, являлась предупреждением. Ей снова показалось, что кто-то следит за каждым ее движением.

Глава 7

Кирилл Панин жил на другом конце города, в довольно престижном районе. Девушка без проблем нашла пятиэтажное здание, спрятавшееся за раскидистыми дубами, и, отыскав на табличке у входа в подъезд указатель с нужной квартирой, уверенно стала подниматься по лестнице. Остановилась у двери, обитой черным дерматином. Звонок не работал. Зорина постучала по мягкой обивке, не надеясь, что ее услышат. Однако опасения оказались напрасными. Ей открыла женщина лет шестидесяти.

- Вы ко мне?
- Здесь когда-то жил Кирилл Панин.
- Да. А что вам нужно?
- Вы его жена?
- Да.
- Мы можем поговорить?

От журналистки не ускользнуло, как выцветшие глаза хозяйки наполнились надеждой:

- Вы что-то знаете о нем? Проходите.

Зайдя в маленькую прихожую, с ключьями обоев на давно не знавших ремонта стенах, Катя закрыла дверь и, вытащив удостоверение, протянула его хозяйке квартиры:

- Так вы та самая Зорина?

Эта фраза была произнесена с разочарованием. По мнению собеседницы, журналисты не могли ей сообщить ничего нового.

- Мы можем поговорить? – повторила девушка.
- О чем? Пришли берeditь мне душу?
- Извините.

Женщина прошла в темную столовую, не зажигая света. Зорина без приглашения последовала за ней.

– Я понимаю, что вам до сих пор тяжело, – произнесла она, наблюдая за хозяйкой, остановившейся у окна, – но я пишу книгу, и мне просто необходимо уточнить кое-какую информацию. Вы же не хотите, чтобы она пошла непроверенной.

- Книга будет о Кирилле?
- Об академике Хомутове.

Женщина пожала плечами:

- Зачем же писать о Кирилле?
- Он был одним из самых талантливых учеников Игната Вадимовича.

Хозяйка нажала на выключатель:

- Садитесь.

Теперь, при свете маленькой лампочки, журналистка смогла разглядеть обстановку комнаты. Такие же обшарпанные, как в прихожей, стены, те же лохмотья обоев, старая, ветхая мебель, готовая развалиться, вековые слои пыли на двух шкафах с книгами... И множество фотографий улыбающегося симпатичного парня... Катя поняла, что попала в святилище. Здесь специально не наводили порядок, стремясь сохранить все в том состоянии, какое было при хозяине.

- А вы, как вдова...

Щеки женщины побелели:

- Я его жена. Никто не видел мужа мертвым.

Поистине ее стойкость и верность супругу все эти годы вызвали уважение.

- Меня зовут Тамара Яковлевна. Так что вы собираетесь писать о Кирилле?
- Как вы познакомились?

Она расслабилась. Разговор перешел на тему, которая была ей приятна.

– Мы учились в одном вузе, на одном курсе.

– Значит, вы тоже врач?

– Да. Впрочем, неудавшийся.

– Почему?

Тамара Яковлевна усмехнулась:

– После исчезновения мужа я не смогла работать. Замучили головные боли. Врачи определили сосудистый криз.

– На что же вы жили?

Панина не удивилась такому вопросу:

– Помогали родители. Да и много ли мне, одной, надо? Деток-то нам не дал Бог.

– Я слышала, вместе с Викторовой ваш супруг работал над исследованиями в области гепатита С, – заметила Катя. – Думаю, они стоили внимания, раз его переманил к себе Хомутов. Наверное, исследования были опубликованы. Вам не предлагали деньги?

Панина рассмеялась:

– Как-то раз я подумала, что имею право на гонорары с его научных статей. Я обратилась к Хомутову. Тот обещал походить за мной, однако дело не сдвинулось с мертвой точки. Меня вызвали на ученый совет и сказали, что никаких достойных внимания открытий Кирилл не сделал. Все его труды – это плагиат.

– Как плагиат? – не поняла Катя.

– Мне показали статьи моего мужа и некоего профессора Карякина, – продолжала женщина. – Они шли под разными названиями, но писалось в них об одном и том же, причем дословно. До сих пор мороз продирает по коже, когда вспоминаю, как орал на меня Карякин.

– Кирилл был с ним знаком?

Тамара Яковлевна вздохнула:

– Вместе с Мариной они одно время работали у него. Но он специалист по опухолям. Такая болезнь, как гепатит, его никогда не интересовала. И вдруг – бац! Научные достижения.

– То есть он не говорил, что параллельно с аспирантами ведет работу в этой области.

– В том-то и дело.

Катя задумалась:

– А Хомутов?

– Тоже был в ярости. Если бы не куча народа, он дал бы Карякину по морде. Перед уходом Игнат Вадимович заявил, что не оставит это так. Дескать, он уверен: научные открытия моего мужа каким-то непостижимым образом попали к Карякину, и тот опубликовал их под своей фамилией.

Зорина наморщила лоб:

– Он не думал, как такое могло произойти?

– Не знаю, – Панина поднесла ко лбу тонкую белую руку. – Во всяком случае, я его больше не видела. Он оставил мне номера телефонов, по которым я могла связаться с ним в любое время дня и ночи, если отыщу заметки супруга на интересующую нас тему. Я ничего не нашла. Позвонила ему, чтобы узнать, что делать дальше. Он ответил: «Боюсь, мы проиграли».

– А мать Марины? К ней вы не обращались?

Глаза Тамары Яковлевны превратились в две синие льдинки:

– При чем здесь эта бездарность Викторова? Не хочу о ней слышать. Ее вы тоже сделали персонажем своей книги?

Катя кивнула.

– Вам посоветовал Хомутов? – не дожидаясь ответа, Панина проговорила: – Эта тварь спала со всеми в институте. В том числе и с Хомутовым. Ее мамаша думала: вот подцепили

жениха. Однако Игнат Вадимович отказался жениться. Чтобы избежать скандала, ей подсунули замухрышку со смешной фамилией Костыль.

– Костыря, вы хотите сказать?

– Какая разница.

– А кто подсунул, вы знаете?

– Никогда не интересовалась, – Тамара Яковлевна гордо выпрямилась. – Я всегда была выше сплетен, тем более касающихся этой вертихвостки.

Да уж, Викторovu она не любила. Что же могло произойти между этими двумя женщинами, единственным связующим звеном которых был Кирилл Панин?

– Извините за нескромность, – осторожно сказала Зорина. – А как ваш супруг относился к своей коллеге?

Женщина побледнела, тонкие губы сжались в узкую полоску.

– Мы с ним о ней не говорили.

– Никогда?

– Никогда. Кроме того, я больше не хочу о ней слышать. Что вас еще интересует?

Журналистка поняла: это конец разговора.

– Спасибо вам.

Тамара Яковлевна поправила рукой и без того гладкую прическу.

– Уже уходите?

– К сожалению, мне пора.

– Понимаю. О Викторовой я бы на вашем месте не писала.

Катя улыбнулась:

– Я человек подневольный. Дергает за ниточки Игнат Вадимович.

– Передавайте ему привет, – Панина вышла с гостьей в прихожую и открыла дверь. – В следующий раз предупреждайте о своем приходе.

Журналистка кивнула и торопливо сбежала по лестнице.

Выйдя на улицу, девушка пожалела, что не захватила фонарик. Серые столбы окружали ее со всех сторон, но ни один не горел – то ли из-за очередной аварии на электролинии, то ли из-за проделок мальчишек. Стоявшие почти рядом с домом «Жигули» казались бесформенной черной грудой.

– Вот черт!

Высокий каблук попал в какую-то выбоину. Журналистка на мгновение остановилась, чтобы посмотреть, не сломался ли супинатор.

– Слава богу! – она облегченно вздохнула, увидев все в целости и сохранности, и, достав из кармана пальто ключи от машины, открыла дверцу и уселась за руль.

– А это что еще такое?

Старенькая подружка не желала заводиться.

– Этого мне только не хватало! Ну, давай же, давай!

Слыша въедливый звук работающего вхолостую стартера, она впала в отчаяние.

– Придется беспокоить Костика.

Журналистка открыла сумочку и принялась набирать телефон мужа. «Абонент временно недоступен. Перезвоните, пожалуйста, позже», – сообщил металлический голос.

– Вот это я влипла!

Оставался один выход – выйти на шоссе и попробовать тормознуть машину с добрым дядей, который возьмет ее на буксир и дотащит до ближайшего автосервиса. Тяжело вздохнув, девушка покинула теплый салон и направилась к дороге. Вдруг она вздрогнула и остановилась:

– Кто здесь?

Ее лоб покрылся большими каплями пота. Кто-то тихо крался следом. Катя откинула выбившуюся прядь волос и стала вглядываться в темноту.

– Может, показалось?

Махнув рукой, она снова зашагала к спасительным огням, на ходу успокаивая себя. Войдя в арку, разделяющую два больших дома, журналистка поняла: насчет тайного преследователя она не ошиблась. Черная тень на мгновение мелькнула перед глазами и скрылась за деревьями. Ей стало по-настоящему страшно. Приглушенно вскрикнув, Зорина побежала так быстро, как позволяли сапоги на высоких каблуках, заставляя себя не оглядываться. Кто-то невидимый тоже прибавил шаг, и ей казалось: она слышит тяжелое дыхание. Сейчас он догонит ее и... Неизвестно откуда взявшаяся белая «Волга» резко затормозила. Поскользнувшись, Катя чуть не упала под колеса, вовремя уцепившись за капот.

– С ума сошли, девушка?

Высокий черноволосый мужчина открыл переднюю дверцу:

– Решили покончить жизнь самоубийством?

Журналистка готова была броситься ему на шею.

– Спасибо вам!

– За что?

Она сбивчиво объяснила, что с ее машиной случилась неприятность.

– Я решила выйти на шоссе и просить помощи. Кто-то шел за мной следом.

– Я никого не видел.

Водитель окинул ее недоверчивым взглядом, принохиваясь.

– Вы мне не верите, – Зорина подошла к нему поближе. – Я не пьяна. Я говорю правду.

Он смягчился, увидев на ее ресницах выступившие слезы.

– Где я мог вас встречать?

– Я Екатерина Зорина.

– Как, сама Зорина? Как же вы здесь оказались?

С ее лица начала сходить бледность:

– Залетела в эти края по работе – и вот...

Он коснулся ее локтя:

– Залезайте в машину. Сейчас подведем к вашим «Жигулям» и посмотрим, что случилось.

– Я вам очень благодарна.

Через несколько минут «Волга» сорвалась с места.

Глава 8

– Черт знает что такое, – хмуро проговорил новый знакомый, представившийся Олегом. – Знаете, я начинаю верить вашим рассказам. Кто-то перерезал вам бензопровод. Глядите, какая лужа! Хорошо еще, спичку или окурок не бросили.

– Что же делать? – Катя с отчаянием посмотрела на мужчину. – Мобильный мужа не отвечает.

– Без проблем. Дотяну вас на буксире, – он открыл багажник и достал трос. – Куда прикажете?

– Мне очень неудобно.

Олег махнул рукой:

– Бросьте! Не вы ли проповедуете с экрана телевизора о человеколюбии!

Она рассмеялась:

– Точно! Тогда на Маршала Жукова.

Глава 9

К приходу Кости Катя разогрела ужин, вымылась и мирно лежала на диване. Румяный с мороза, он поцеловал жену в щеку.

– Как прошел день?

– Нормально.

Она решила не ставить супруга в известность о своих похождениях. Скворцов давно выражал неудовольствие ее журналистскими расследованиями и сейчас, узнав о происшествии, запер бы жену на замок. Этого она никак не могла допустить.

– Чем занималась? Навещала своего нового клиента Хомутова?

– Ты поразительно догадлив.

– И когда же выйдет шедевр мемуарной литературы?

Она усмехнулась:

– Ты меня знаешь. Как только, так сразу.

– Наши уже ждут, – он обнял ее за плечи. – Все только удивляются, как ты решилась изменить детективному жанру.

Катя облегченно вздохнула. Игорь Мамонтов сдержал слово и ничего не рассказал Косте.

– Я хочу попробовать написать нечто другое, – пояснила она. – Вдруг понравится больше?

– Ой ли? – Скворцов засмеялся. – Голову даю на отсечение: парочка криминальных рож у тебя найдется.

– Я об этом еще не думала.

– Прекрасно. И не думай. Что у нас на ужин?

Зорина обрадовалась возможности сменить тему.

– Твои любимые голубцы, – ответила она, поднимаясь с дивана.

Глава 10

Рано утром, проводив мужа и пообещав быть осторожной (недоверчивый Константин на всякий случай напутствовал супругу), девушка села за компьютер, решив приступить к работе над книгой, однако ее мысли возвращались к расследованию. Катя взяла листок бумаги, карандаш и принялась чертить понятные только ей одной схемы, с неудовольствием отмечая, что за несколько дней она не только не получила ответов на возникшие вопросы, но и еще более запуталась в некоторых фактах. Марина Викторова, по словам жены Кирилла Панина, оказалась ветреной особой и, вполне возможно, не такой талантливой, как она себе нарисовала. С другой стороны, ее поведение никак не объясняло нелюбовь к ней Тамары Яковлевны Паниной. Такие неприязненные отношения мотивировались только одним: Кирилл тоже состоял в любовниках этой дамы. Журналистка написала на листке: «Панин – Викторова – любовники? Проверить». Впрочем, что это даст? Выведет на жену Панина как возможную убийцу с мотивом? Да, хотя бы так. Разговор с Костырей также ничего не прояснил. Разумеется, ни о какой неземной любви между ним и Мариной не может быть и речи, особенно если прислушаться к объяснениям той же Паниной. Но кто так вовремя подsunул Викторовой деревенского парня? Почему она согласилась выйти за него замуж? Не является ли он кандидатом в убийцы? Стоп! Журналистка отложила карандаш и поправила волосы. А мотив? С чего ему убивать свою невесту? Может быть, она что-нибудь обещала и отказалась выполнять в последний момент, и поэтому он счел нужным получить свое вот таким образом, забрав деньги? А отношения между Викторовой и Хомутовым? Это что такое? Причастен ли к ее исчезновению сам академик? Нет, вряд ли.

Рука снова потянулась к карандашу. У него алиби. Проводив гостей, Игнат Вадимович не отлучался из дома. Да и зачем ему сводить счеты со своими коллегами, которые послужили бы ему верой и правдой... А послужили бы? О Марине Викторовой она уже услышала мнение. Похоже, девушка брала не головой... А что касается Кирилла? Каким образом его открытия в области гепатита С полностью совпали с работами профессора Карякина? Катя развела руками и тихо сказала:

– Вот так задачка со множеством неизвестных!

Она чувствовала: предстоит огромная работа. В этом деле Хомутов ей не помощник. Он обязательно умолчит о том, что ее интересует (скажем, о своих отношениях с Викторовой) и направит ее по ложному пути. А сейчас она на правильном, и это доказывает вчерашнее происшествие.

Однако кому понадобилось гнаться за ней и портить ее машину? На данный момент у нее тоже не было ответа.

Глава 11

Несмотря на нежелание разговаривать с академиком, Зорина позвонила ему, назначив встречу на послеобеденное время.

– Жду с нетерпением, – бросил в трубку Хомутов и отключился. Катя посмотрела на часы, подумав: если она хочет поспеть домой засветло, надо выезжать. До randevу с Игнатом Вадимовичем нужно было вызвать мастера из автосервиса и пристроить многострадальную «Жулечку». Девушка встала с дивана и направилась к тумбочке, в недрах которой находили свой приют всевозможные визитные карточки, любовно рассортированные хозяйкой по одному понятному лишь ей признаку. Карточку автослесаря, вот уже несколько лет продлевающего жизнь старой машине, она нашла без труда и уже через секунду набирала его номер:

– Привет, Вовка!

Он сразу узнал свою постоянную клиентку:

– Привет, Катюха! Никак наша любимица опять приболела?

Журналистка рассмеялась:

– Именно так. Причем врач требуется немедленно.

Владимир присвистнул:

– В каком она сейчас состоянии? Своим ходом сумеет добраться?

– Ни в коем случае. Ей потребуется серьезная операция.

Автослесарь заинтересовался:

– Случилось что-нибудь?

– Кто-то перерезал бензопровод.

Знакомый вздохнул:

– И ты не знаешь кто?

– Сначала я пристрою мою подругу в хорошие руки, потом стану выяснять.

– И то верно. Полчасика подождешь? Как раз освободится необходимый транспорт.

Зорина улыбнулась:

– Разумеется.

– Тогда до встречи.

Верный своему слову, Владимир, подъехав через полчаса, забрал «Жигули».

– Сразу не скажу, сколько времени потребует такая поломка, – объяснил он Кате на прощание. – Но обязательно позвоню.

Зорина чмокнула его в щеку и побежала на автобусную остановку.

Глава 12

– Так вы были у жены Кирилла Панина?

Хомутов, развалившись в кресле, пил кофе маленькими глотками.

– Да.

– Представляю, что наговорила вам эта истеричная особа, – он пристально посмотрел на собеседницу, ожидая признания.

Катя выдержала взгляд:

– Ничего особенного.

– Неужели? – он недобро усмехнулся. – Извините, не верю. Дама уже давно существует на свете со сдвинутой крышей. Такую супругу мог вытерпеть только Кирилл, – Игнат Вадимович засунул в рот кусочек овсяного печенья. – Да и тот иногда позволял себе расслабиться. Только не говорите, что она смолчала о Викторовой. Не вы первая удостоились откровенности этой женщины. В свое время она пыталась нажиться на гибели мужа.

– Каким же образом?

– Да очень простым, – Хомутов откашлялся и продолжил: – Это в наше время никого не удивит криминалом. Однако если мы перенесемся на сорок лет назад, в спокойное совдеповское прошлое, то пойдем: случай с моими аспирантами – из ряда вон выходящий. Впрочем, при возможности поднимите подшивку газет за шестьдесят шестой год. Понимаете, куда я веду? Скромная женщина, несостоявшийся врач вдруг привлекла всеобщее внимание, сделавшись героиней массы репортажей и статей. Согласитесь, хоть какая, но все же слава. Я с удивлением заметил, что дама, которую все считали недалекой, великолепно себя, как сейчас выражаются, пиарит. Но не буду многословным. Вы поймете, что я прав, прочитав статьи. От себя лишь добавлю: я давно заметил такую закономерность: дураки умеют заставить работать на себя тех, кто считает себя намного умней их. В течение нескольких лет Тamarочка подкидывала вашей братии различные версии случившегося, одной из которых стала фантазия на тему: «Эта гулящая Викторова». Я думаю, Панина в конце концов сама поверила в свои бредни. Во всяком случае, до сих пор при встрече с журналистами она рассказывает о нашем романе с Викторовой.

Катя взглянула на академика:

– А это неправда?

Игнат Вадимович поморщился:

– Я до сих пор люблю одну и ту же женщину – свою покойную жену. У постели умирающей я дал слово хранить ей верность. Я понимаю, в это трудно поверить. Мужчин всегда рассматривают как существ полигамных. Однако мне многолетнее воздержание не стоило труда. Возможно, это и есть настоящая любовь, как вы считаете? Не об этом ли писал Куприн в «Гранатовом браслете»?

Зорина пожала плечами:

– Мне хочется сказать «да», но как журналист, я обязана верить не словам, а фактам.

– И факты у вас будут! – Хомутов встал с кресла и, подойдя к письменному столу, что-то написал на листке бумаги.

– Моя симпатия к вам столь велика, – заметил он, бросив написанное ей на колени, – что я постоянно думаю, как помочь вам собрать побольше сведений. Мне уже понятно, как вы напишете обо мне. Вы правы. Без эротики и криминала мы вряд ли сможем рассчитывать на обширную аудиторию. А вот событие с Викторовой и Паниным действительно сделает бестселлер из сухого биографического очерка.

Катя поднесла листок к глазам:

– Здесь адрес и телефон. Чьи?

Он усмехнулся.

– После вашего ухода я стал обзванивать коллег. Представьте, они сообщили мне интересную информацию: тетушка Марины жива и здорова. Остается надеяться, что старческий маразм поразил не все клетки головного мозга. Улавливаете, куда я клоню?

Катя почувствовала, как вспотели ладони.

– Вы хотите, чтобы я поговорила с ней?

– Конечно. И как можно скорее.

Девушка с удивлением посмотрела на академика:

– К чему такая спешка?

Хомутов на мгновение смутился, но взял себя в руки.

– Самому не терпится увидеть наше с вами произведение, – расхохотался он. Его смех показался Зориной несколько натянутым. – Если желаете – отправляйтесь прямо сейчас, а диктофончик оставьте. Соображаете зачем?

Журналистка развела руками.

– Сегодня мы с вами не продвинулись ни на шаг, – пояснил ей Игнат Вадимович. – Поскольку главный герой вашей книжки все-таки я, позвольте наговорить на диктофон без вас.

Его горячее желание помочь вызвало улыбку.

– Хорошо, – согласилась Катя.

– Жду вас завтра к четырем. Приедете?

– Обязательно.

Глава 13

Тетя Марины Викторовой, родная сестра ее матери, проживала в однокомнатной квартире почти в центре города. Найти ее не составило труда. Журналистка долго звонила в красную коричневой краской деревянную дверь, однако за стеной не было слышно ни звука.

– Кто вы?

Катя вздрогнула и обернулась. Поднимавшаяся по лестнице пожилая женщина с интересом смотрела на нее.

– Я по делу. Здесь живет Веретенникова Полина Тимофеевна?

– Здесь, – незнакомка поправила платок. – А вы по какому делу? Если не секрет?

– Я не обязана докладывать незнакомым людям, – Зорина снова протянула руку к звонку.

– Не сердитесь, – казалось, женщина смягчилась. – Понимаете, Полина уже много лет живет одна. Мы всем подъездом взяли над ней шефство. Кто в магазин ходит, кто на рынок сбегает, кто просто посидит. Денег при этом не берем – грех. Нас вот что беспокоит: в последнее время у нее крыша сильно двинулась. Стала забывать запирает входную дверь, открывала всем подряд. Красть-то у нее особо нечего, но сейчас сами знаете, какие люди: за копейку прирежут. Вот мы и убрали звонок.

– Но как же...

– Я живу напротив, – соседка достала ключи и открыла свою квартиру. – Поэтому все время начеку. Когда к ней кто-то приходит, выхожу на лестничную площадку и спрашиваю, кто и по какому делу, а потом открываю своим ключом. Кстати, люди с чистой совестью всегда признаются, зачем им понадобилась Полина.

– Тогда и я признаюсь, – засмеялась Катя. – Я журналистка Зорина.

Женщина прищурилась:

– С телевидения?

– Да, я веду там передачу.

Соседка усмехнулась:

– Только не говорите, будто собрались снимать Полину или писать о ней статью.

Катя кивнула:

– Вы правы. Статья будет не о ней.

– Тогда при чем здесь Поля?

– Я буду писать о ее племяннице Марине Викторовой.

– Ее нашли?

– Нет.

Соседка вздохнула:

– Никто не верит, что Маришка осталась в живых. О чем же вы собираетесь писать?

– Перед исчезновением она вместе с коллегой сделала несколько научных открытий.

– С Кириллом?

Зорина почувствовала, что задыхается:

– Вы знали его?

– Его весь дом знал, – она секунду помедлила. – Возможно, я неправильно делаю, да вы узнаете то же самое от других. Марина с матерью жила, ну, с сестрой Полины. Та дежурила в какой-то воинской части – сутки через трое. Словом, почти все время дома. А кровь молодая бурлит. Полина в то время товароведом в магазине работала. Эта должность требует постоянного присутствия. Вот и давала тетка возможность парочке в ее отсутствие в квартире поворковать. Маринка сюда как к себе домой шастала. Разумеется, не одна.

– Вы уверены, что ее парнем был Кирилл?

– Она его так называла.

– А жениха своего она тоже демонстрировала?

– Представьте, нет, – соседка провела рукой по лбу. – О нем я услышала от Полины. – Знаешь, говорит, – племянница замуж входит. – За Кирилла? – спрашиваю. – Нет, – отвечает. – Другого нашла. Простой парень, но ей с ним хорошо. Да и вообще, не мое это дело.

На том разговор и закончился. Так что женишка ее я не видела, – повторила она, жестом приглашая Катю в квартиру. – Сейчас мы Полине по телефону позвоним. Ежели она не спит или телевизор не смотрит, сразу ответит. А то может и не услышать. Да вы не расстраивайтесь, – заметив на лице собеседницы огорчение, добавила женщина. – У меня ключи есть. Пообщаетесь вы сегодня с тетей Марины. Кстати, я до сих пор не представилась. Капитолина Антоновна.

– Очень приятно. Большое спасибо.

Разговор с ней заставил журналистку улыбнуться. Девушка подумала: на протяжении всей ее карьеры на пути попадались именно такие люди: – добрые, отзывчивые, готовые прийти на помощь.

– Пожалуйста, – Капитолина Антоновна взяла телефонную трубку и набрала номер. – Так я и думала. Не отвечает. Пойдемте со мной.

Ловко открыв дверь квартиры соседки, женщина зашла в прихожую и крикнула:

– Полина, принимай гостей!

Никто не спешил навстречу. Зорина почувствовала, как по спине пробежали мурашки, и инстинктивно отступила назад. Спутница же, напротив, по-хозяйски направилась в комнату.

– Так я и знала! Спит, голубушка! Полина, вставай! К тебе гости! Известная журналистка пожаловала. Хочет побольше узнать о твоей племяннице Марине. Екатерина, пройдите сюда.

Зорина вошла в столовую. На обшарпанном диванчике полулежала сухонькая старушка, возле нее хлопотала Капитолина Антоновна.

– Это и есть наша журналистка Екатерина, – сказала она, поправив соседке волосы. – А это наша тетя Поля.

Девушка пристально посмотрела на родственницу Викторовой, и что-то оборвалось внутри. На сморщенном личике поблескивали выцветшие голубые глаза, невинные и безмятежные, как у ребенка. Их взгляд выражал любопытство, причем детское.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я по поводу Марины Викторовой.

Никаких эмоций! Старушка повернулась к соседке:

– Ты принесла мне сладенького?

Та хлопнула себя по лбу.

– Совсем забыла! Сейчас сбегаю, – пообещала она и, обратившись к Кате, пояснила: – Каждый день приношу ей конфеты. Побудьте с ней, а я в магазин смотаюсь. Да вы не расстраивайтесь, – Капитолина Антоновна дотронулась рукой до плеча девушки, – память к ней иногда возвращается. Задавайте вопросы. Авось на какой-нибудь да и получите ответ.

Затворив за соседкой дверь, Зорина присела на диван.

– У вас была родная сестра?

– Конечно.

Уверенный кивок головы пробудил в Кате надежду:

– А у нее была дочь Марина?

Тетя Полина захлопала ресницами:

– У кого?

– У вашей сестры?

– Какой сестры?

– Вы же сами сказали: у вас была сестра...

– Да, – снова уверенные интонации.

– У нее были дети?

– У кого?

Зорина вздохнула. Вероятно, память возвращалась периодически к женщине, однако ждать этого момента Катя не имела возможности. Поднявшись с дивана, она подошла к шкафу, на котором стояли фотографии. Марину узнала сразу: огромный снимок старушка поставила на самом виду. Зорина взяла его в руки:

– Тетя Полина, а кто это?

Тусклые губы зашевелились:

– Не знаю.

Махнув рукой, Зорина поставила фотографию на место и открыла створку шкафа. Ее собеседница не шевелилась, безучастно наблюдая за гостьей.

– Можно, я полистаю это?

– Что это?

– Наверное, ваши семейные фотографии.

Опять детская, ничего не выражающая улыбка:

– Если вам интересно... Вы уверены, что это действительно мои фотографии?

– Сейчас посмотрим, – Катя решила не показывать снимки. В данный момент старушка была безнадежна.

Толщина альбома оказалась обманчива. Несколько фотографий запечатлели тетю Полю в молодости, давая понять, что женщина была необыкновенно хороша собой и непонятно почему так и не вышла замуж. С остальных снимков улыбались Марина и ее мама.

– А это что еще такое?

К ногам девушки упал белый конверт. Вероятно, старушка хранила здесь не только фотографии. Быстро взглянув на обратный адрес, Зорина дрожащими руками вытащила письмо из конверта и поднесла к глазам. Полине писала ее сестра.

«Здравствуй, моя дорогая! Ты, наверное, очень удивлена, почему я пишу тебе. Ведь мы живем в одном городе и всегда имели возможность пообщаться по телефону. Боюсь, нам придется прервать такое общение на неопределенное время. Вчера приходил наш знакомый телефонный мастер Гена. Я решила пригласить его, чтобы узнать причину шума в трубке. Парень ничего не нашел, но высказал интересное предположение: наш телефон прослушивается. Знаешь, я полностью с ним согласна. Икс способен на все. Дай мне знать, дорогая, получила ли ты мое письмо. Вздумаешь сделать это по телефону, скажи какую-нибудь нейтральную фразу типа «горячая вода идет». Лучше, конечно, напиши. Татьяна».

Второе письмо вызвало у Кати еще больше вопросов. После нескольких общих фраз мать Викторовой писала:

«Вчера приходил Икс. Посидел немного, поболтал с дочкой и свалил, даже чаю не попив. Мариша сказала: это к лучшему. Во всяком случае, он не будет ее использовать как женщину и как ученого, хотя работать с ним дочка не отказывается. Я, конечно, сначала погоревала: ей уже тридцать, а жениха на горизонте все нет. А чем Икс не жених? Правда, Маришка меня отругала, пояснив: жениться он не будет. У него, видите ли, принципы. Будто никто в городе не знает, с кем он имеет дело. Сейчас Икс завел новую пассию, какую-то врачиху из ПК. Дочь говорит: «Мама, мне ее жалко. Ей ничего не светит». А мне жалко дочурку. Ты бы ее видела! Похудела килограммов на пять, под глазами – черные круги. Все-таки нелегко дался ей этот разрыв».

В третьем письме вкратце описывался роман Викторовой и Панина:

«К нам зачастил коллега Мариночки Кирилл. Они с ней одногодки, работают над одной темой. Я вижу, что ему нравится общаться с дочкой и вообще она нравится ему как женщина. Несколько раз Марина просила меня пойти прогуляться. Дай бог, у них что-нибудь получится».

Читая эти строки, Катя всем сердцем сочувствовала обеим женщинам, особенно матери. Возможно, Марина и знала, что делает, однако надо было сказать родным: мой избранник женат. Правда, больно ударив, все же вылезла наружу.

«Не везет Мариночке, – изливала душу Татьяна Викторова, – Кирилл оказался женат. Его супруга – настоящая стерва. Однажды она уже приходила к нам, пообещав подстеречь дочь и плеснуть ей в лицо серной кислотой. Знаешь, с нее станется. Кирилл, правда, старался нас успокоить, но я посоветовала им не встречаться. Во всяком случае, пока. Пусть утихнут страсти. Зря он однажды заговорил о разводе. Как ты думаешь, что сейчас делает его жenuшка? Собирает подписи с целью выселить Марину за проституцию».

Прочитав послание сестры, Полина, вероятно, посоветовала единственно возможный способ – найти Марине жениха, пусть даже самого завалящего, и поскорее выдать ее замуж, на что Татьяна вскоре ответила:

«Последовали твоему совету. Дочурка отправилась на вечер в Дом культуры и там познакомилась с Васей, вскоре заявив мне, что он и есть ее будущий муж. Честно сказать, парень мне не понравился – деревня деревней. Но я уже рукой махнула – ей же с ним жить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.